

© 2023 г.

В.В. УСТЮЖАНИН, Ю.В. ЗИНЬКИНА, А.В. КОРОТАЕВ

ОПАСНАЯ МОЛОДЕЖЬ. ПОЧЕМУ В МАССОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ (НЕ) ПРИМЕНЯЮТ ОРУЖИЕ?

УСТЮЖАНИН Вадим Витальевич – стажер-исследователь Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (vvustiuzhanin@hse.ru); ЗИНЬКИНА Юлия Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник РАНХиГС (juliazin@list.ru); КОРОТАЕВ Андрей Витальевич – доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; главный научный сотрудник Института Африки РАН (akorotayev@gmail.com). Все – Москва, Россия.

Аннотация. В немногочисленных количественных кросс-национальных исследованиях факторов вооруженности протестных выступлений уделяется недостаточно внимания изучению доли молодежи в общей численности взрослого населения («молодежному бугру»). Авторами проверялась гипотеза, что массовые выступления в странах с большим «молодежным бугром» будут значимо чаще принимать вооруженную форму, чем в странах со значительно меньшим значением этого показателя. Также предполагалось, что чем выше медианный возраст населения, тем выше вероятность, что политическое выступление примет невооруженный характер. В целом обе гипотезы подтверждаются, причем вторая гипотеза получила более сильное подтверждение, чем первая. Таким образом, имеются основания полагать, что наблюдавшийся в последние десятилетия на глобальном уровне существенный рост медианного возраста населения мог внести заметный вклад в снижение доли вооруженных массовых политических выступлений при росте доли выступлений невооруженных.

Ключевые слова: массовые политическое выступления • революции • молодежный бугор • модернизация • кросс-национальные исследования • глобальное старение

DOI: 10.31857/S013216250025805-8

Проблема и теоретические подходы. Еще в самом начале XXI в. американский социолог Дж. Голдстоун отметил важный сдвиг в результатах массовых протестных выступлений: революции конца XX в. стали приводить к установлению устойчивых демократий, а не диктатур, как было раньше [Голдстоун, 2006: 93–94; Goldstone, 2001]. С тех пор количество таких революций многократно возросло. Поэтому в 2000–2010-х гг. появилось много исследований, посвященных ответу на вопрос, почему современные революции все чаще приводят к демократическим, а не к авторитарным результатам [Ackerman, Karatnysky, 2005; Johnstad, 2010; Butcher, Svensson, 2016]¹. Главный вывод этих исследо-

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 21-18-00123).

¹ Большинство этих авторов предпочитают обозначать революции как «максималистские кампании», но фактически речь идет именно о революциях (в том числе национально-освободительных) в привычном смысле слова (ср. [Голдстоун и др., 2022: 109]). В пользу этого говорит, например, то, что в базе данных Э. Ченовет «NAVCO: Nonviolent and Violent Campaigns and Outcomes» [Chenoweth,

ваний заключается в том, что *насильственные* революции («максималистские кампании» без широкого применения современного оружия) с очень малой вероятностью приводят к формированию стабильных демократических режимов (с несравненно большей вероятностью они заканчиваются формированием откровенно авторитарных режимов), тогда как формирование стабильных демократических режимов гораздо более вероятно в результате *ненасильственных* революций.

Вызывает удивление, что существует всего несколько количественных кросс-национальных исследований факторов, влияющих на форму – насильственные (вооруженные) *versus* ненасильственные (невооруженные²) – революционных выступлений [Butcher, Svensson, 2016; Dahlum, 2019; Устюжанин, Коротаев, 2022; Устюжанин и др., 2022; Ustyuzhanin, Korotayev, 2023]. При этом в данных исследованиях мало внимания уделяется такому важному фактору, как доля молодежи в общей численности взрослого населения («молодежному бугру»). Между тем эвристически очевидно предположение, что за оружие чаще берутся протестующие молодые люди, которые еще не научились «ценить жизнь», в то время как более взрослые люди менее склонны следовать радикальным призывам, что «винтовка рождает власть» (Мао Цзэдун). Может быть, на снижение насильственности (вооруженности) массовых протестных выступлений повлияли, помимо политических и культурных факторов, и чисто демографические факторы?

Одним из важнейших глобальных процессов последних десятилетий является глобальный демографический переход [Вишневский, 1976, 2018]. На его первой фазе наблюдается быстрое снижение смертности (в особенности младенческой), поэтому население молодеет – снижается его медианный возраст, растет доля молодежи. На второй фазе

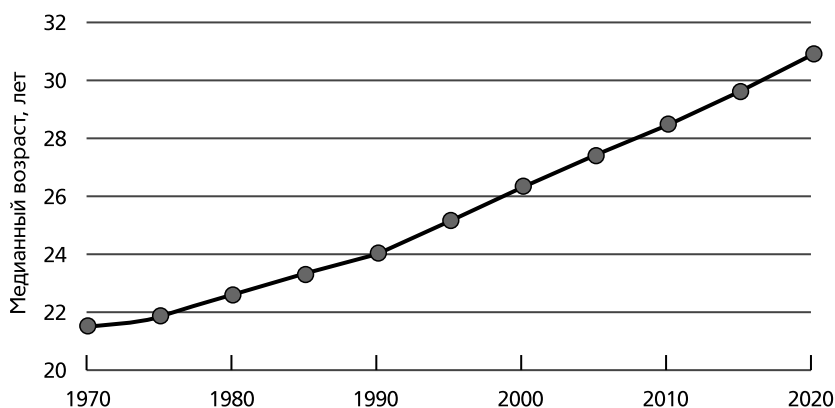

Рис. 1. Динамика медианного возраста населения мира, лет

Источник: [UN Population Division, 2021c].

Shay, 2020] «кампаниями» названы все бесспорные революции XX в. – включая, например, российские революции 1905–1907 и 1917 гг.

² Важно понимать, что, когда речь идет о *ненасильственных* кампаниях, то на самом деле подразумеваются именно *невооруженные* протесты/революционные выступления. Так, М. Кадивар и Н. Кечли [Kadivar, Ketchley, 2018] убедительно показали, что участники большинства «ненасильственных максималистских кампаний» прибегали к насилию в достаточно серьезных масштабах (здесь можно вспомнить хотя бы Египетскую революцию 2011 г. или Украинский Евромайдан 2013–2014 гг., которые Э. Ченовет квалифицирует именно как «ненасильственные максималистские кампании»), в связи с чем они с полными на то основаниями полагают, что называть такие революционные выступления «ненасильственными» неправильно, предлагая обозначать их как «невооруженные».

демографического перехода происходит очень значительное снижение рождаемости на фоне все продолжающегося роста ожидаемой продолжительности жизни, поэтому начинается старение населения: доля молодежи снижается, медианный возраст населения растет [Korotayev et al., 2015]. В результате в последние полвека произошло очень значительное (почти в два раза) увеличение медианного возраста населения Земли (рис. 1).

Что касается роли этого фактора в характере революций, то исследование Р. Чинкотты и Х. Вебера [Cincotta, Weber, 2020] показало: вероятность вооруженных массовых политических выступлений гораздо выше в странах, где доля молодежи в общей численности взрослого населения очень высока, т.е. где присутствует значительный «молодежный бугор» (см. также: [Ходунов, 2014; Нефедов, 2015]). Таким образом, отмечается роль «молодежных бугров» в вооруженных, но не в невооруженных конфликтах. Исследование Чинкотты и Вебера не дает ответа на вопрос, в какой степени повышенная доля молодежи в общей численности взрослого населения («молодежный бугор») является предиктором того, что революционное выступление примет вооруженный характер, или в какой степени «старость» населения является предиктором того, что революционное выступление примет невооруженный характер. Между тем есть теоретические основания предполагать, что подобного рода корреляция должна наблюдаться.

Исследовательские гипотезы. Явление «молодежного бугра» более полувека является одной из широко обсуждаемых проблем политической демографии [Moller, 1968; Choucri, 1974; Goldstone, 1991, 2002; Urdal, 2004, 2006; Weber, 2013, 2019; Коротаев и др., 2011; Нефедов, 2015]. С тех пор как Х. Моллер назвал стремительно растущую численность молодежи «одним из решающих факторов реальности, обуславливающих политическое и культурное развитие» [Moller, 1968: 237], различные последствия молодежного бугра стали предметом исследования в рамках различных дисциплин. Так, Н. Чукри [Choucri, 1974] выделяет наиболее изученные механизмы воздействия молодежного бугра на политическую стабильность, включая расширение образования, рост безработицы и недовольство высокообразованных безработных молодых людей как мотивы для массовых политических выступлений. Изучается гендерный аспект молодежного бугра: К. Мескида и Н. Винер, например, показывают, что возрастающая доля молодежи вносит свой вклад в частоту насильственных конфликтов, а относительное обилие молодежных групп связано с интенсивностью конфликта (измеряемой по количеству погибших), при этом существенную объяснительную силу относительно коллективного насилия имеет соотношение молодых мужчин и мужчин старшего возраста [Mesquida, Wiener, 1999]. Дж. Голдстоун [Goldstone, 2002] вносит свой вклад в эти направления исследований, выявляя различные возможные факторы массовых политических выступлений, способные активироваться при взаимодействии с «молодежным бугром». Кроме того, в более ранней основополагающей работе Голдстоун показывал, что большинству революций в мировой истории предшествовали всплески доли молодежи в населении [Goldstone, 1991], при этом почти все рассматриваемые им массовые выступления были вооруженными.

XX в. действительно дает нам множество примеров социально-политического насилия на фоне пиковой доли молодежи в населении страны. Например, затяжное вооруженное противостояние между Коммунистической партией Малайзии и правительством этой страны имело место в 1969–1989 гг. [Kheng, 2009], когда доля молодежи в возрасте 15–29 лет достигла в Малайзии исторического пика (до 48,7%) [UN Population Division, 2021a]. В Таиланде массовые убийства в Таиландском университете («Таммасатская резня» 1976 г.) тоже произошли на фоне большого и быстро растущего числа молодых людей. Рост числа молодежи, возможно, способствовал хаотичному состоянию политической жизни Чили с высоким уровнем политического насилия при президенте Альенде и в последующие годы, поскольку число молодых людей в этой стране выросло в 1965–1980 гг. на 40% [UN Population Division, 2021a]. Еще один «молодежный бугор» был фоном Боливийской национальной революции 1952 г. и последовавшего за ней нестабильного десятилетия. Многие другие страны также могут продемонстрировать соответствующие

примеры из своей истории XX века. Исключением не стала и Россия: на период первой русской революции пришелся крупный «молодежный бугор», когда, по расчётам С.А. Нефедова, доля молодежи в Европейской России составляла порядка 19% (или 30% от взрослого населения) [Нефедов, 2015].

В начале XXI в. «молодежный бугор» вызвал новый всплеск внимания ученых, изучавших факторы политического насилия. Сначала это произошло после 11 сентября 2001 г., когда С. Хантингтон заявил, что «люди, которые... убивают других людей, – это мужчины в возрасте от 16 до 30 лет» [Huntington, 2001], сопоставляя свою концепцию «столкновения цивилизаций» с концепцией политической демографии. Новый всплеск интереса к «молодежному бугру» как фактору революционной дестабилизации связан с событиями Арабской весны [Mirkin, 2013; Korotayev, Zinkina, 2022; Коротаев и др., 2012].

Х. Урдalom показано, что «молодежные бугры» увеличивают риск возникновения вооруженных конфликтов внутри страны, особенно в условиях экономического застоя [Urdal, 2004]. В другой работе он показал, что высокая доля молодежи во взрослом населении значительно повышает риск трех видов политического насилия – вооруженного конфликта, терроризма и беспорядков (даже при учете таких сильных факторов, как уровень развития, демократия и конфликты в прошлом) [Urdal, 2006]. С. Стейвтейг тоже обнаружил, что «молодежный бугор» является значимым и сильным предиктором начала гражданских войн [Staveteig, 2005: 15].

Почему высокая доля молодежи представляет угрозу стабильности именно через вооруженные протестные выступления? К. Мескида и Н. Винер рассматривают это как своеобразную форму внутривидовой конкуренции; соответственно, к таким актам агрессии оказываются более склонны молодые мужчины, не имеющие своей семьи [Mesquida, Wiener, 1999]. К этому объяснению близко и еще одно: «Молодежь активна и зла, потому что у нее часто есть стремление к независимости, но нет средств для ее достижения – в политическом, экономическом или социальном плане – и зачастую ее больше соблазняет идеология» [Kim, Sciubba, 2015: 281].

В подростковом возрасте и сразу после него люди в некоторой степени отходят от культурных ценностей и систем убеждений своих родителей, что делает их более восприимчивыми к религиозному фундаментализму и политическому экстремизму (см., напр., [Зубок, Чупров, 2008; Weber, 2013]). В то же время многих молодых людей относительно легко мобилизовать для участия в социальных и политических конфликтах, поскольку у них меньше семейных и рабочих обязанностей [Goldstone, 2002], а также преобладает эмоциональный тип восприятия явлений, что отражается в повышенной склонности к риску и импульсивной мотивации [Зубок, Чупров, 2008]. Таким образом, именно в старшем подростковом возрасте и в юности альтернативные издержки на участие в организованном насилии или в повстанческих движениях оказываются самыми низкими [Collier, Hoeffler, 2004: 569].

Исходя из этих соображений, логично предполагать, что именно молодые мужчины могут быть высоко представлены в экстремистских группах, которые стремятся достичь своих политических целей насильственными средствами, в фундаменталистских религиозных группах, в криминальных бандах и наркокартелях, а также в иных группах и движениях, бросающих вызов правительственной власти. Это подтверждается многочисленными практическими исследованиями [Weber, 2019].

Таким образом, наши гипотезы можно сформулировать следующим образом:

H1: революционные выступления в странах с большим «молодежным бугром» будут значимо чаще принимать вооруженную форму, чем в странах со значительно меньшим значением этого показателя;

H2: чем выше медианный возраст населения, тем выше вероятность, что революционное выступление примет *невооруженный* характер.

Методы анализа. Мы далее опираемся на базу данных «Nonviolent and Violent Campaigns and Outcomes (NAVCO) 1.3» [Chenoweth, Shay, 2020]. В этой базе данных представлено много характеристик революционных событий, включая то, было ли

революционное выступление («кампания») вооруженным или нет. Именно она и будет являться в настоящем исследовании зависимой переменной. Это бинарная переменная, где 1 – невооруженная революция, а 0 – вооруженная. Главный критерий в определении события как вооруженного – использование протестующими боевого оружия в политических целях³, в то время как использование подручных орудий (палки, камни) подпадает под невооруженную характеристику выступления.

В научной среде еще продолжается дискуссия, как правильно операционализировать «молодежный бугор». Некоторые предлагают операционализировать эту переменную как долю молодых людей (15–24 лет) в общей численности населения [Collier, Hoeffler, 2004; Goldstone, 2002]. Однако этот подход подвергался широкой критике, поскольку он может привести к недооценке демографических «узких мест» в странах с устойчиво высоким уровнем рождаемости [Urdal, 2006]. Урдал предлагает операционализировать «молодежный бугор» как долю молодых 15–29 лет в общей численности взрослого населения старше 15 лет [Urdal, 2004, 2006]. Именно эту операционализацию «молодежного бугра» мы используем и в данном исследовании.

Есть и другая часто используемая операционализация «молодежного бугра» – медианный возраст. Согласно определению Отдела народонаселения ООН, это возраст, при котором население делится на две равные по численности части, то есть людей с возрастом выше медианы столько же, сколько людей с возрастом ниже медианы [UN Population Division, 2021a]. Так, Р. Чинкотта и Х. Вебер моделировали влияние возрастной структуры на риски вооруженных массовых политических выступлений именно через медианный возраст [Cincotta, Weber, 2021]. В другом исследовании Р. Чинкотта использовала медианный возраст в качестве единственного фактора, отражающего влияние возрастной структуры населения на поведение государства [Cincotta, 2015]. Эту же переменную использовал Т. Дайсон для оценки степени демографического перехода разных стран [Dyson, 2012].

С учетом этих соображений в качестве двух главных независимых переменных мы берем (1) долю молодежи 15–29 лет в общей численности взрослого (от 15 лет и старше) населения и (2) медианный возраст населения.

Общемировую выборку стран мы делим на шесть равных частей-секстилей. Тем самым мы получаем следующие градации.

По критерию «молодежного бугра» выделяются страны:

1) с очень слабовыраженным «бугром» (молодежь составляет до 30,1% взрослого населения),

2) со слабовыраженным «бугром» (30,1–38,3% взрослого населения),

3) со средне-слабовыраженным «бугром» (38,3–43,7%),

4) со средне-сильновыраженным «бугром» (43,7–46,3%),

5) с сильно выраженным «молодежным бугром» (46,3–48,6%),

6) с очень сильно выраженным «молодежным бугром» (от 48,6% взрослого населения).

По критерию медианного возраста выделяются страны:

1) с очень молодым населением (с медианным возрастом до 16,5 года),

2) с молодым населением (16,5–18,1 года),

3) со среднемолодым населением (18,1–19,8 года),

4) со средневзрослым населением (19,8–24,3 года),

5) со взрослым населением (24,3–31,7 года),

6) со старым населением (с медианным возрастом от 31,7 года).

³ Авторы базы данных отмечают, что «кампании являются в первую очередь ненасильственными, когда подавляющее большинство участников не вооружены и используют в основном ненасильственные методы <...>. Кампании являются преимущественно насильственными, когда большинство участников применяют силу, особенно вооруженную, против режимов и их сторонников» [Chenoweth, Shay, 2020: 6].

Мы рассматриваем временной период с 1950 г., поскольку именно на это время приходится прохождение демографического перехода абсолютным большинством стран развивающегося мира. Кроме того, именно для этого периода (с 1950 г. по настоящее время) имеются рассчитанные ООН оценки численности различных возрастных групп в составе половозрастной структуры для всех стран мира, что сделало возможным проведение данного исследования.

Таким образом, показатели по «молодежным буграм» рассчитаны по данным ООН о возрастной пирамиде всего населения соответствующих стран [UN Population Division, 2021b]. Данные по медианному возрасту также взяты из базы данных Отдела народонаселения ООН [UN Population Division, 2021c]. В конечном итоге мы будем анализировать временной промежуток 1950–2019 гг., в течение которого было 480 революционных эпизодов, по которым нам известны все нужные для нашего анализа характеристики.

В качестве основных элементов анализа мы будем далее использовать: (1) парную корреляцию Спирмена (в силу бинарного характера зависимой переменной); (2) таблицы сопряженности для определения совместного распределения и связи между молодежным бугром и медианным возрастом, с одной стороны, и типом массового политического выступления – с другой; (3) логистическую регрессию для анализа значимости главных независимых переменных и направления их связи для предсказания вероятности наступления события.

В качестве контрольных переменных мы будем использовать следующие показавшие свою силу в предыдущих исследованиях революций три переменные.

1. Население, по данным ООН [UN Population Division, 2021a]. В регрессионные модели будет включен натуральный логарифм населения.

2. Экономический рост, операционализируемый через процентное изменение в реальном ВВП на душу населения (по ППС в международных долларах 2017 г.), по данным Всемирного Банка [World Bank, 2021].

3. Тип режима, операционализируемый с помощью индекса электоральной демократии, согласно «Varieties of Democracy», который принимает значения от 0 (наиболее авторитарные режимы) до 1 (наиболее демократичные) [Coppedge et al., 2022].

Результаты анализа. На рис. 2 представлена визуализация таблицы сопряженности между шестью группами стран, разделенных по доле молодежи 15–29 лет в общей численности взрослого (от 15 лет) населения, и типами революционных выступлений – вооруженными или невооруженными. Как видим, в странах со слабовыраженным «молодежным бугром» подавляющее большинство революционных выступлений (86,8%) имеет невооруженный характер⁴. Уже при переходе к странам со слабовыраженным «молодежным бугром» доля вооруженных революционных выступлений увеличивается более чем в два раза – до 27,8%. В странах со средне-слабовыраженным «бугром» она уже заметно больше трети. В странах с сильно выраженным «бугром» доля вооруженных революционных преступлений приближается к половине⁵. Наконец, в странах с сильно и очень сильно выраженным молодежным бугром большинство революционных выступлений имеет вооруженный характер.

На рис. 3 представлена визуализация таблицы сопряженности между шестью группами стран, выделенных по медианному возрасту, и типами революционных выступлений – вооруженными или невооруженными. Как мы видим, в странах с очень молодым населением лишь менее четверти революционных выступлений (23,7%) имели невооруженный характер. При

⁴ Таковы, например, массовые выступления на Украине в 2004 г. (Оранжевая революция), в Армении в 2018 г. (Бархатная революция), в Венгрии в 1989 г. (массовые «антикоммунистические» протесты), во Франции в 1968 г. («Красный май») и в Чили в 2019 г.

⁵ Примерами являются Алжир 1992 г. (неудавшаяся исламистская революция), Камбоджа 1970 г. (революция «красных кхмеров»), Никарагуа 1979 г. (Сандинистская революция), Афганистан 1992 г. (исламская революция), Сомали 2006 г. (исламистское восстание аш-Шабаб), Мали 2012 г. (Четвертое туарегское восстание и исламистская революция в Азаваде).

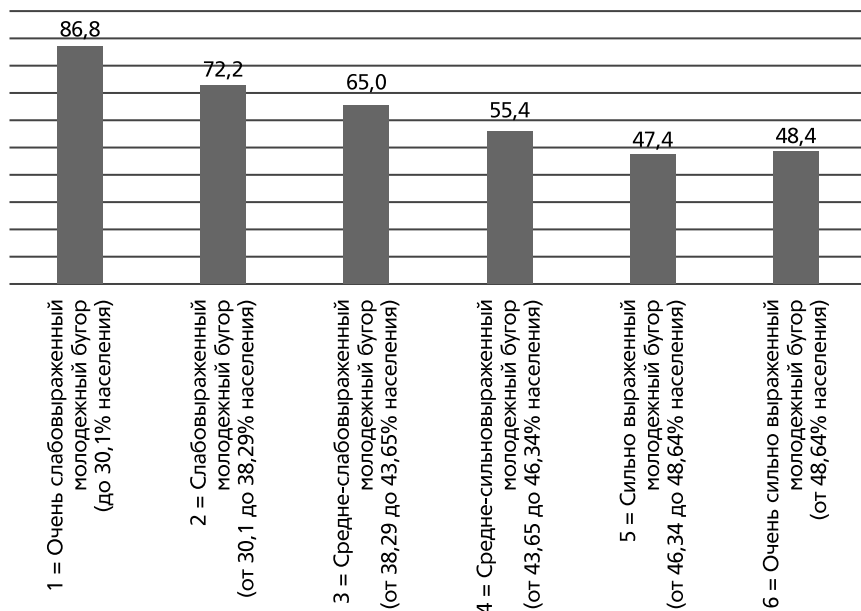

Рис. 2. Доля невооруженных революционных выступлений по шести группам стран, выделенных по доле молодого (15–29 лет) населения, в %

Примечание. r Спирмена = $-0,260$ на уровне $p \ll 0,0001$.

переходе к странам с молодым населением доля невооруженных революционных выступлений растет почти в два раза – до 43%. В странах со средне-молодым населением эта доля составляет почти половину всех эпизодов, в странах со средне-взрослым населением она превышает две трети. В странах со взрослым и старым населением подавляющее большинство (свыше 80%) революционных выступлений имеет невооруженный характер.

В целом виден явный тренд на снижение процента вооруженных выступлений по мере взросления населения и снижения доли молодежи. При этом высокий медианный возраст оказывается заметно более сильным положительным предиктором повышенной доли невооруженных выступлений, чем повышенная доля молодежи – отрицательным предиктором. В этом плане предпочтение Р. Чинкоттой и Х. Вебером [Cincotta, Weber, 2021] именно медианного возраста как фактора связи между демографической структурой и политической динамикой представляется вполне оправданным.

В табл. представлен вывод для двух логистических моделей M1 и M2, где независимые переменные – медианный возраст и доля молодежи в возрасте 15–29 лет соответственно, а зависимая – тип революционного выступления. Обе операционализации фактора молодежного бугра оказались значимыми (на уровне $p < 0,001$), влияя на тип революции в предсказанном направлении: при повышении медианного возраста на 1 год шансы революции принять мирную форму повышаются в 1,11 раза⁶, так что чем старше население, тем ниже риски, что революция примет вооруженную форму. При этом увеличение доли молодежи в возрасте 15–29 лет на 1 процентный пункт снижает шансы революционного выступления принять невооруженную форму на 6%. Это подтверждает исходную гипотезу: чем моложе население, тем выше риск революционного насилия.

⁶ 1,11 раза – отношение шансов революционного выступления принять невооруженную форму при росте независимой переменной на 1, которое получается путем взятия экспоненты от ее регрессионного коэффициента.

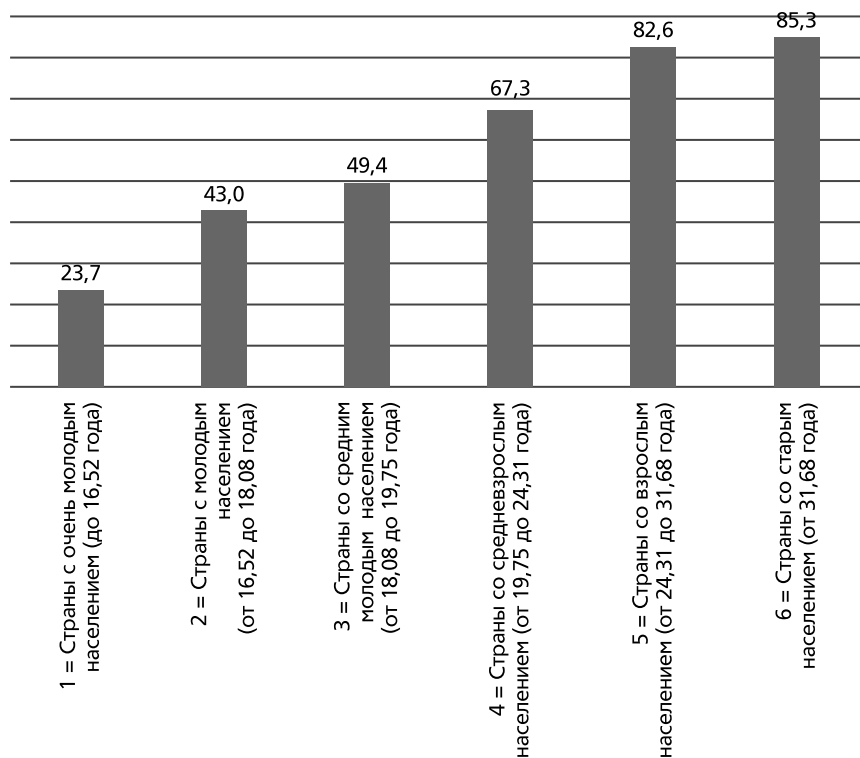

Рис. 3. Доля невооруженных революционных выступлений по шести группам стран, выделенных по медианному возрасту населения, в %

Примечание. ρ Спирмена = 0,389 на уровне $p < 0,0001$.

Таблица

Логистическая регрессия невооруженных/вооруженных революционных выступлений (1950–2019 гг.)

	Невооруженные (= 1) versus вооруженные (= 0)	
	M1	M2
Медианный возраст	0,108*** (0,022)	
Доля населения в возрасте 15–29 лет		-0,056*** (0,016)
Население (ln)	0,008 (0,077)	0,016 (0,075)
Рост ВВП на душу населения	3,379** (1,250)	3,412** (1,247)
Индекс электоральной демократии (t-1)	1,578* (0,620)	2,046*** (0,600)
Константа	-2,619** (0,826)	1,905 (1,048)
Количество наблюдений	409	409
Log Likelihood	-244,670	-252,918

Примечания. *** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$; в скобках приведены стандартные ошибки.

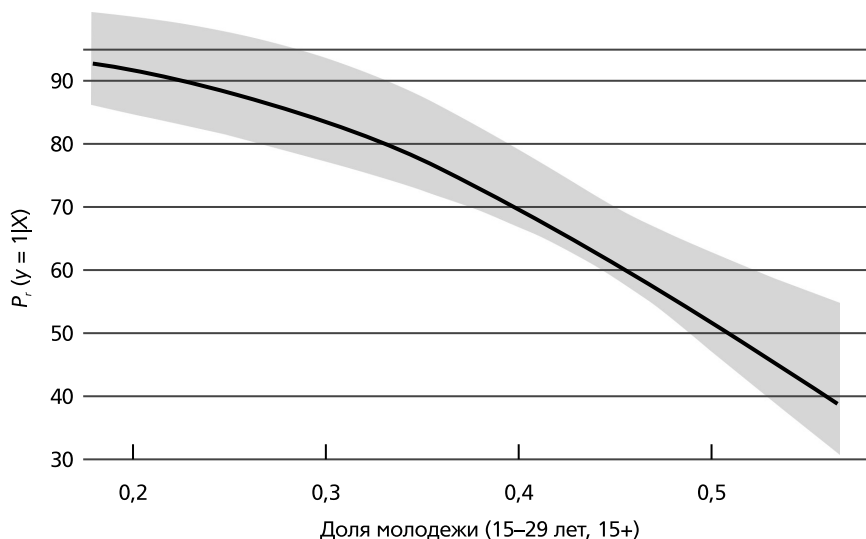

Рис. 4. Предсказанные вероятности невооруженного характера революционного конфликта в зависимости от доли молодежи 15–29 лет, в %

На рис. 4 и 5 можно видеть графики с предсказанными вероятностями невооруженного типа революционного выступления в зависимости от изменения независимой переменной (медианного возраста или доли молодежи в населении) с 95%-ным доверительным интервалом при постоянных средних значениях всех контрольных переменных. Это – визуализация моделей M1 и M2 из таблицы, где изображены эффекты независимых переменных.

Из рис. 4 видно, что рост доли молодежи в возрасте 15–29 лет на всем отрезке планомерно и линейно сокращает шансы революционного выступления принять невооруженную форму.

Согласно рис. 5, при росте медианного возраста шансы революционного выступления принять невооруженную форму линейно увеличиваются. Так, если при медианном возрасте, равном 20 годам (что близко к реальным его значениям в постсоветских странах Средней Азии), шансы революционного выступления принять мирную форму равны приблизительно 60%, то при медианном возрасте в 40 лет (что недалеко от реальных значений восточноевропейских постсоветских стран) – уже порядка 90%.

Рассматривая демографическую ситуацию страны в качестве фактора, определяющего вероятность невооруженности массового политического выступления, нужно учитывать влияние и других социально-экономических факторов. Так, можно предположить, что низкие шансы бескровного выступления и низкая доля молодежи (т.е. высокий медианный возраст) одинаково зависят от уровня развития страны. Тем не менее если в регрессионные модели из таблицы вводить переменную взаимодействия между независимой переменной и уровнем развитости⁷, то видно, что демографические факторы показывают себя вполне самостоятельными предикторами. На рис. 6 представлен график, показывающий влияние медианного возраста на вероятности бескровного выступления в зависимости от разных уровней (низкого, среднего, высокого) развитости страны. Заметно, что старение населения (сокращение доли молодежи) оказывает наибольший эффект в странах с низким уровнем развития, в то время как в более развитых странах этот эффект выражен слабее⁸.

⁷ Уровень развития получен путем деления общемировой выборки по ВВП на душу населения (ППС, в долларах 2017 г.) на три равные части: нижняя группа представляет собой страны с низким уровнем развития, средняя – со средним, а верхняя – с высоким.

⁸ Нужно отметить также широкие доверительные интервалы. Это вызвано в первую очередь тем, что линии построены на основе всех возможных значений медианного возраста на всех данных,

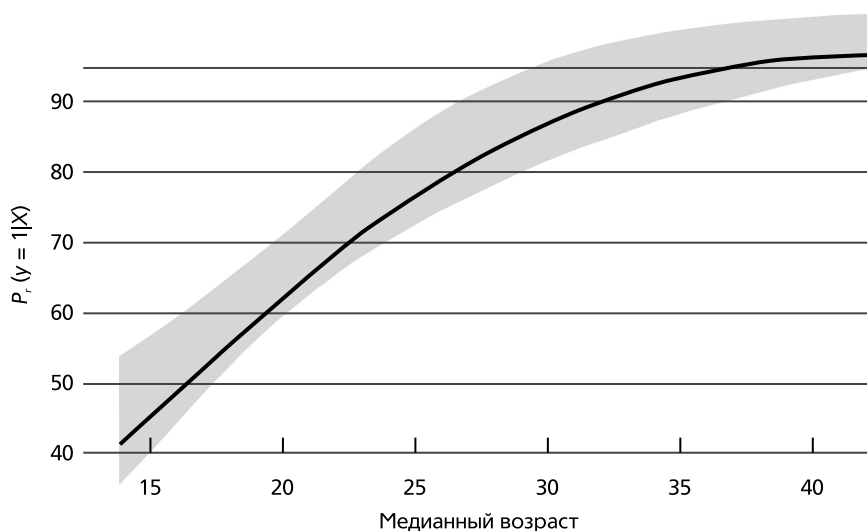

Рис. 5. Предсказанные вероятности невооруженного характера революционного конфликта в зависимости от медианного возраста, в %

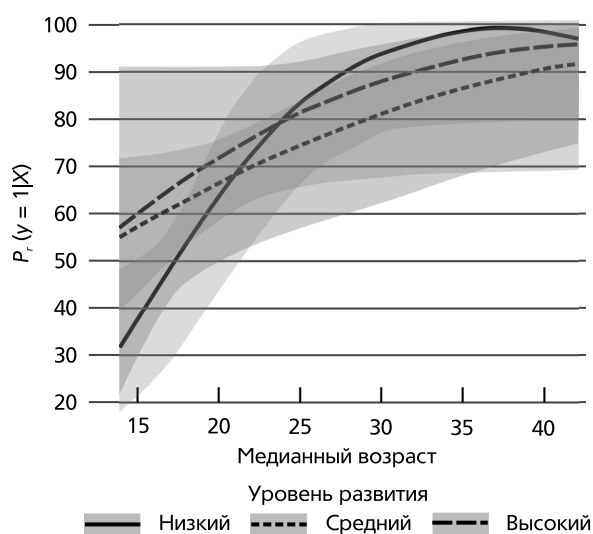

Рис. 6. Предсказанные вероятности невооруженного характера революционного конфликта в зависимости от медианного возраста и уровня развития, в %

Общие выводы. Итак, обе наши гипотезы полностью подтверждаются: революционные выступления в странах с большим «молодежным бугром» будут значимо чаще принимать вооруженную форму, чем в странах со значительно меньшим значением этого показателя; чем выше медианный возраст населения, тем выше вероятность, что революционное выступление примет невооруженный характер. При этом вторая гипотеза получила

а не только в рамках определенной группы. Однако нас интересует разная скорость изменения представленных функций, которая демонстрирует общее влияние от изменения демографической ситуации на вероятность того, что выступление примет невооруженный характер.

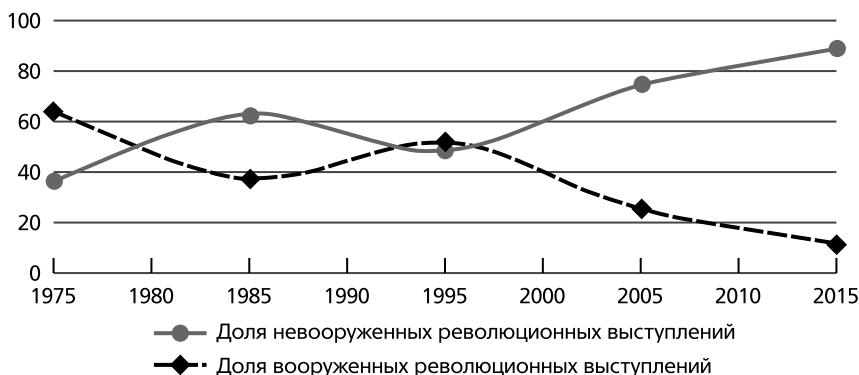

Рис. 7. Подекадная динамика доли вооруженных и невооруженных революционных выступлений в 1970–2019 гг. по миру в целом

Примечание. Точки данных по оси ординат соответствует значениям за декаду. Например, точки данных, соответствующих 1975 г., отражают доли вооруженных и невооруженных выступлений за 1970-е гг.

более сильное подтверждение, чем первая. По мере взросления населения наблюдается особо выраженная тенденция к снижению доли вооруженных революционных выступлений и, соответственно, к увеличению доли невооруженных ненасильственных протестов. При этом особо выраженный сдвиг наблюдается при переходе от стран с очень молодым населением (с медианным возрастом до 16,5 лет) к странам с молодым населением (с медианным возрастом 16,5–18 лет), когда доля невооруженных выступлений вырастает практически в два раза. При медианном возрасте свыше 25 лет уже абсолютное большинство революционных выступлений (более 80%) носит преимущественно невооруженный характер, в то время как в странах с очень молодым населением абсолютное большинство революционных выступлений (более 75%) являются вооруженными.

На этом фоне крайне примечательным представляется, что быстрый рост медианного возраста населения нашей планеты в 1970–2020 гг. (рис. 1) сопровождался не менее впечатляющим ростом общемировой доли невооруженных революционных выступлений (рис. 7).

Таким образом, наше исследование доказывает, что старение населения нашей планеты и связанное с этим уменьшение доли молодежи в населении оказывает влияние на снижение доли вооруженных массовых политических выступлений в мире за последние десятилетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вишневский А.Г. Демографическая революция. М.: Статистика, 1976.
- Вишневский А.Г. Демографический переход и гипотеза гиперболического роста населения // Демографическое обозрение. 2018. № 1(5). С. 64–105.
- Голдстоун Дж.А. К теории революции четвертого поколения // Философско-литературный журнал Логос. 2006. № 5. С. 58–103.
- Голдстоун Дж.А., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Волны революций XXI столетия // Полис. Политические исследования. 2022. № 4. С. 108–119.
- Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. № 5 (289). С. 37–46.
- Коротаев А.В., Малков А.С., Бурова А.Н. и др. Ловушка на выходе из ловушки. Математическое моделирование социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии и события арабской весны 2011 г. // Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития. Отв. ред. А.А. Акаев. М.: Либроком/URSS, 2012. С. 210–276.

- Нефедов С.А. «Молодежный бугор» и первая русская революция // Социологические исследования. 2015. № 7 (375). С. 140–147.
- Устюжанин В.В., Гринин Л.Е., Медведев И.А., Коротаев А.В. Образование и революции (Почему революционные выступления принимают вооруженную или невооруженную форму?) // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. 2022. № 1 (104). С. 50–71.
- Устюжанин В.В., Коротаев А.В. Революции и демократия. Почему революционные выступления принимают вооруженную или невооруженную форму? // Вестник Томского государственного университета. Филология. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 198–210.
- Butcher C., Svensson I. Manufacturing Dissent // *Journal of Conflict Resolution*. 2016. No. 60 (2). P. 311–339.
- Chenoweth E., Shay C.W. *NAVCO 1.3 Codebook*. Cambridge, MA: Harvard Dataverse, 2020.
- Chesnais J.-K. *The Demographic Transition: Stages, Patterns, and Economic Implications*. Oxford: Clarendon Press, 1992.
- Choucri N. *Population dynamics and international violence: Propositions, insights, and evidence*. London: Lexington, 1974.
- Cincotta R. Demography as early warning: Gauging future political transitions in the age-structural time domain // *Journal of Intelligence Analysis*. 2015. No. 22 (2). P. 129–148.
- Cincotta R., Weber H. Youthful Age Structures and the Risks of Revolutionary and Separatist Conflicts // *Global Political Demography: Comparative Analyses of the Politics of Population Change in All World Regions* / Ed. by Goerres A., Vanhuysse P. Cham: Palgrave Macmillan. 2021. P. 57–92.
- Collier P., Hoeffler A. Greed and grievance in civil war // *Oxford Economic Papers*. 2004. No. 56 (4). P. 563–595.
- Coppedge M., Gerring J., Knutsen C.H. et al. *V-Dem [Country–Year/Country–Date] Dataset v 12. Varieties of Democracy (V-Dem) Project*, 2022.
- Dahlum S. Students in the Streets: Education and Nonviolent Protest // *Comparative Political Studies*. 2019. No. 52 (2). P. 277–309.
- Dyson T. On Demographic and Democratic Transitions // *Population and Development Review*. 2012. No. 38 (1). P. 83–102.
- Goldstone J.A. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley, CA: University of California Press, 1991.
- Goldstone J.A. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict // *Journal of International Affairs*. 2002. 56 (1). P. 3–21.
- How freedom is won: from civic resistance to durable democracy. Ed. by Ackerman P., Karatnycky A. Washington DC: Freedom House, 2005.
- Huntington S.P. 'So, are civilizations at war?', Interview with Samuel P. Huntington by Michael Steinberger, *The Observer*, Sunday October 21, 2001.
- Johnstad P.G. Nonviolent democratization: a sensitivity analysis of how transition mode and violence impact the durability of democracy // *Peace & Change*. 2010. No. 35 (3). P. 464–482.
- Kadivar M.A., Ketchley N. Sticks, Stones, and Molotov Cocktails: Unarmed Collective Violence and Democratization // *Socius*. 2018. No. 4. P. 1–16.
- Kheng C.B. The communist insurgency in Malaysia, 1948–90: Contesting the nation-state and social change // *New Zealand Journal of Asian Studies*. 2009. No. 11 (1). P. 132–152.
- Kim T., Sciubba J.D. The effect of age structure on the abrogation of military alliances // *International Interactions*. 2015. No. 41 (2). P. 279–308.
- Korotayev A., Goldstone J.A., Zinkina J. Phases of global demographic transition correlate with phases of the Great Divergence and Great Convergence // *Technological Forecasting and Social Change*. 2015. No. 95. P. 163–169.
- Korotayev A., Zinkina J. Egypt's 2011 Revolution. A Demographic Structural Analysis // *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Ed. by Goldstone J.A., Grinin L., Korotayev A. Cham: Springer, 2022. P. 651–683.
- Mesquida C.G., Wiener N.I. Male age composition and severity of conflicts // *Politics and the life sciences*. 1991. No. 18 (2). P. 181–189.
- Mirkin B. *Arab Spring: Demographics in a region in transition*. New York: UNDP, 2013.
- Moller H. Youth as a Force in the Modern World // *Comparative Studies in Society and History*. 1968. No. 10 (3). P. 237–260.
- Staveteig S. The young and the restless: Population age structure and civil war // *Environmental Change and Security Program Report*. 2005. No. 11. P. 12–19.
- UN Population Division Median Age of Population. World Population Prospects Database. 2021c. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Files/> (дата доступа: 05.08.2021).

- UN Population Division Population by Age Groups – Both Sexes. World Population Prospects Database. 2021b. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Files/> (дата доступа: 05.08.2021).
- UN Population Division. World Population Prospects Database. 2021a. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/> (дата доступа: 05.08.2021).
- Urdal H. The devil in the demographics: the effect of youth bulges on domestic armed conflict, 1950–2000 // *Social Development Papers*. 2004. No. 14. P. 1–25.
- Urdal H. A clash of generations? Youth bulges and political violence // *International studies quarterly*. 2006. No. 50 (3). P. 607–629.
- Ustyuzhanin V., Korotayev A. Revolutions and Democracy. Can Democracies Prevent Revolutionary Armed Violence? // *Comparative Sociology*. 2023. No. 22 (1). P. 95–137.
- Weber H. Demography and democracy: the impact of youth cohort size on democratic stability in the world // *Democratization*. 2013. No. 20 (2). P. 335–357.
- Weber H. Age structure and political violence: a re-assessment of the “youth bulge” hypothesis // *International Interactions*. 2019. No. 45 (1). P. 80–112.

Статья поступила: 28.12.22. Финальная версия: 17.04.23. Принята к публикации: 18.04.23.

DANGEROUS YOUTH: WHY DO POLITICAL UPRISINGS TAKE AN UNARMED FORM?

USTYZHANIN V.V.*, ZINKINA J.V.**, KOROTAYEV A.V.* ***

*HSE University, Russia; **Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; ***Institute for African Studies RAS, Russia

Vadim V. USTYZHANIN, Research Intern, Centre for Stability and Risks Analysis, HSE University; Associate Researcher, International Laboratory of Demography and Human Capital, Russian Academy of National Economy and Public Administration (vvustiuzhanin@hse.ru); Julia V. ZINKINA, Cand. Sci. (Hist.), Senior Researcher, International Laboratory of Demography and Human Capital of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Researcher (juliazin@list.ru); Andrey V. KOROTAYEV, Dr. Sci. (Hist.); Head of the Centre for Stability and Risks Analysis, HSE University; Chief Researcher at the Institute for African Studies RAS (akorotayev@gmail.com). All – Moscow, Russia.

Acknowledgements. The research was a part of the HSE Basic Research Program in 2023 with the support of the Russian Science Foundation (Project No. 21-18-00123).

Abstract. Quantitative cross-national studies of the factors of violent (armed) versus nonviolent (unarmed) revolutionary events are very few, and they do not pay enough attention to such a powerful factor as a high proportion of young people in the total adult population – the “youth bulge”. We assume that (1) revolutionary uprisings in countries with a greater youth bulge will be significantly more likely to take armed form than in countries with a significantly lower value of this indicator. We also assume that (2) the higher the median age of the population, the higher the likelihood for a revolutionary uprising to take an unarmed character. In general, both of our hypotheses are fully confirmed. Thus, there is a reason to believe that the significant increase in the median age of the population observed at the global level in the recent decades could have contributed to a noticeable decrease in the share of armed revolutionary uprisings and an increase in the share of unarmed ones.

Keywords: youth bulge, median age, political instability, violent revolutionary uprisings, nonviolent revolutionary uprisings.

REFERENCES

- Ackerman P., Karatnycky A. (eds) (2005) *How freedom is won: from civic resistance to durable democracy*. Washington DC: Freedom House.
- Butcher C., Svensson I. (2016) Manufacturing Dissent. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 60. No. 2: 311–339.
- Chenoweth E., Shay C.W. (2020) NAVCO 1.3 Codebook. Cambridge, MA: Harvard Dataverse.
- Chesnais J.-K. (1992) *The Demographic Transition: Stages, Patterns, and Economic Implications*. Oxford: Clarendon Press.
- Choucri N. (1974) *Population dynamics and international violence: Propositions, insights, and evidence*. London: Lexington.
- Cincotta R. (2015) Demography as early warning: Gauging future political transitions in the age-structural time domain. *Journal of Intelligence Analysis*. Vol. 22. No. 2: 129–148.
- Cincotta R., Weber H. (2021) Youthful Age Structures and the Risks of Revolutionary and Separatist Conflicts. In: Goerres A., Vanhuysse P. (eds) *Global Political Demography: Comparative Analyses of the Politics of Population Change in All World Regions*. Cham: Palgrave Macmillan: 57–92.
- Collier P., Hoeffler A. (2004) *Greed and grievance in civil war*. Oxford Economic Papers. Vol. 56. No. 4: 563–595.
- Coppedge M., Gerring J., Knutsen C.H. et al. (2022) *V-Dem [Country–Year/Country–Date] Dataset v 12. Varieties of Democracy (V-Dem) Project*.
- Dahlum S. (2019) Students in the Streets: Education and Nonviolent Protest. *Comparative Political Studies*. Vol. 52. No. 2: 277–309.
- Dyson T. (2012) On Demographic and Democratic Transitions. *Population and Development Review*. Vol. 38. No. 1: 83–102.
- Goldstone J.A. (1991) *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Goldstone J.A. (2001) Toward a fourth generation of revolutionary theory. *Filosofsko-literaturnyy zhurnal Logos* [Philosophical and literary journal Logos]. Vol. 4. No. 1: 139–187. (In Russ.)
- Goldstone J.A. (2002) Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. *Journal of International Affairs*. Vol. 56. No. 1: 3–21.
- Goldstone J.A., Grinin L., Korotayev A. (2022) Waves of revolutions in the 21st century. *Polis. Politicheskaya issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 4: 108–119. (In Russ.)
- Huntington S.P. (2001) 'So, are civilizations at war?', Interview with Samuel P. Huntington by Michael Steinberger. *The Observer*. Sunday, October 21.
- Johnstad P.G. (2010) Nonviolent democratization: a sensitivity analysis of how transition mode and violence impact the durability of democracy. *Peace & Change*. Vol. 35. No. 3: 464–482.
- Kadivar M.A., Ketchley N. (2018) Sticks, Stones, and Molotov Cocktails: Unarmed Collective Violence and Democratization. *Socius*. Vol. 4: 1–16.
- Kheng C.B. (2009) The communist insurgency in Malaysia, 1948–90: Contesting the nation-state and social change. *New Zealand Journal of Asian Studies*. Vol. 11. No. 1: 132–152.
- Kim T., Scuibba J.D. (2015) The effect of age structure on the abrogation of military alliances. *International Interactions*. Vol. 41. No. 2: 279–308.
- Korotayev A.V. et al. (2012) A trap at the escape from the trap. Mathematical modeling of socio-political destabilization in the countries of the world-system periphery and the events of the Arab spring of 2011. In: Akaev A. (ed.) *Projects and risks of the future*. Moscow: Krasand/URSS: 210–276. (In Russ.)
- Korotayev A., Goldstone J.A., Zinkina J. (2015) Phases of global demographic transition correlate with phases of the Great Divergence and Great Convergence. *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 95: 163–169.
- Korotayev A., Zinkina J. (2022) Egypt's 2011 Revolution. A Demographic Structural Analysis. In: Goldstone J.A., Grinin L., Korotayev A. (eds) *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer: 651–683.
- Mesquida C.G., Wiener N.I. (1999) Male age composition and severity of conflicts. *Politics and the life sciences*. Vol. 18. No. 2: 181–189.
- Mirkin B. (2013) *Arab Spring: Demographics in a region in transition*. New York: UNDP.
- Moller H. (1968) Youth as a Force in the Modern World. *Comparative Studies in Society and History*. Vol. 10. No. 3: 237–260.
- Nefedov S.A. (2015) "Youth Bulge" and the First Russian Revolution. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. Vol. 375. No. 7: 140–147. (In Russ.)
- Staveteig S. (2005) The young and the restless: Population age structure and civil war. *Environmental Change and Security Program Report*. Vol. 11: 12–19.

- UN Population Division Median Age of Population. (2021c) World Population Prospects Database. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Files/> (accessed 05.08.2021).
- UN Population Division Population by Age Groups – Both Sexes. (2021b) World Population Prospects Database. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Files/> (accessed 05.08.2021).
- UN Population Division. World Population Prospects Database. (2021a) URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/> (accessed 05.08.2021).
- Urdal H. (2004) The devil in the demographics: the effect of youth bulges on domestic armed conflict, 1950–2000. *Social Development Papers*. Vol. 14.
- Urdal H. (2006) A clash of generations? Youth bulges and political violence. *International studies quarterly*. Vol. 50. No. 3: 607–629.
- Ustyuzhanin V., Grinin L., Medvedev I., Korotayev A. (2022). Education and Revolutions. Why do some revolutions take up arms while others do not? *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz* [Politeia-Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics]. No. 104 (1): 50–71. (In Russ.)
- Ustyuzhanin V.V., Korotayev A.V. (2022). Revolutions and democracy. Why do revolutions take armed or unarmed form? *Vestnik Tomskogo gosuniversiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]. No. 66: 198–210. (In Russ.)
- Ustyuzhanin V., Korotayev A. (2023) Revolutions and Democracy. Can Democracies Prevent Revolutionary Armed Violence? *Comparative Sociology*. Vol. 22. No. 1: 95–137.
- Vishnevskii A.G. (1976) *Demographic revolution*. Moscow: Statistika. (In Russ.)
- Vishnevskii A.G. (2018) Demographic transition and the hypothesis of hyperbolic population growth. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. Vol. 5. No 1: 64–105. (In Russ.)
- Weber H. (2013) Demography and democracy: the impact of youth cohort size on democratic stability in the world. *Democratization*. Vol. 20. No. 2: 335–357.
- Weber H. (2019) Age structure and political violence: a re-assessment of the “youth bulge” hypothesis. *International Interactions*. Vol. 45. No. 1: 80–112.
- Zubok Y.A., Chuprov V.I. (2008) Youth extremism. Essence and Specific of the Manifestations. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. Vol. 289. No. 5: 37–46. (In Russ.)

Received: 28.12.22. Final version: 17.04.23. Accepted: 18.04.23.